

Д. С. КРЫЛОВ

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
krydmi@mail.ru

ПОПРАВКИ К ЧТЕНИЮ НОВГОРОДСКОЙ БЕРЕСТЯНОЙ ГРАМОТЫ № 307*

В настоящей статье предлагается новая интерпретация для нескольких тёмных участков текста берестяной грамоты № 307. Важнейшая из предложенных поправок к чтению состоит в том, что из пяти букв предпоследней строки, изображенных на прориси как зачёркнутые, четыре попали на трещину бересты и должны быть включены в текст грамоты. Единственная действительно зачёркнутая буква позволяет довольно уверенно реконструировать замысел последней фразы, которая содержит аномально много графических ошибок и вдобавок представляет собой результат неудачной синтаксической правки. Кроме того, в статье даётся фонетический комментарий к топониму *Горотънеи*, содержащему ошибку в обозначении глухости-звонкости согласного. В статье также выдвигается гипотеза о возможной просопографической связи упомянутого в грамоте Парфея с фигурирующим в рядной Василия Федоровича (пергаменной грамоте № 130) Нефедеей Парфеевым. В итоге последняя фраза грамоты и, следовательно, вся грамота получает более надёжное истолкование, чем имела до сих пор: крестьяне жалуются своим господам на их подчиненных, Парфея и Нетребуя, обвиняя их в фальсификации завещаний и судебных повесток, а те утверждают, что лишь прикладывали печать к этим документам, не имея оснований усомниться в их подлинности.

Ключевые слова: древненовгородский диалект, севернорусское наречие, берестяные грамоты, не книжная письменность, древнерусская просопография.

Новгородская берестяная грамота № 307 принадлежит к комплексу из нескольких десятков крестьянских берестяных челобитных новгородским

* Автор выражает глубокую благодарность Е. А. Галинской, А. А. Гишпиусу, С. В. Князеву, Д. В. Сичинаве и М. Н. Шевелевой, консультации и замечания которых позволили улучшить текст этой статьи. Также автор благодарен всем тем, кто устно критиковал реконструкцию бытовой ситуации, стоящей за «очищенным» текстом грамоты. Эта критика остаётся в настоящей статье без ответа, но автор осознает, что последовательно изложить все возможные варианты описанной в документе правовой коллизии ему не вполне удалось.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, предоставленного через Институт славяноведения РАН (проект № 19-18-00352 «Некнижная письменность Древней Руси XI–XV вв. (берестяные грамоты и эпиграфика): новые источники и методы исследования»). <https://rscf.ru/project/19-18-00352/>

феодалам XIV–XV вв. Её адресаты Ондреян, Микита и Настасья — дети и вдова Михаила Юрьевича из боярского рода Мишиничей (Онцифоровичей). Грамота найдена на усадьбе И Неревского раскопа, где были обнаружены также грамоты, адресованные самому Михаилу Юрьевичу.

С момента её находки в 1957 г. и вплоть до появления в 2016 г. грамоты № 1088 эта челобитная являлась рекордсменом по абсолютному количеству допущенных автором графических ошибок среди всех древнерусских грамот¹. Неудивительно, что первоначальная интерпретация отдельных слов в ней, принадлежащая А. В. Арциховскому и В. И. Борковскому [НГБ-V: 137–140], подвергалась серьёзному переосмыслению: в томах VIII, IX и X «Новгородских грамот на бересте» В. Л. Янин и А. А. Зализняк внесли значительные корректировки в её чтение [НГБ-VIII: 201–202, 244–245; НГБ-IX: 152–153; НГБ-X: 97], учтя также поправки, предложенные Л. В. Черепниным [Черепнин 1969: 194–197]. В итоге текст и перевод грамоты приняли следующий вид [ДНД-2: 677–678]:

ОСПОДѢНУ ОНД(РѢА)НУ МИХАИЛОВИЦЮ ОСПО(Д)(Ъ)НУ МИКЪТИ МИХАИЛОЦЮ ОСПОЖ(Ъ)НШЕИ НАСТАСЪИ МИХАИЛОВѢ ЖЕНѢ ЧОЛОМЪ БѢЮ ХРѢСТЪАНѢ ИЗБОИЩАНѢ · ЗДѢСЕ ОСПОДО ОУ ВАШЕИ ВЪЛОСТИ АВЛАЮТСА ПОЗОВНИЦѢ ОУ ГОРОТ[Ъ]НЕИ ЗДѢ АВЛАТСА {п}ПОЗОВНИЦИ Л°ЖИВЪИ и ЗДѢСЕ ОСПОДО А(ВЛАЮТСА РУ)КУПИСАНИЕ ЛЖИВЪИА · А · ПЕРЕПѢ{СЫ}СЪИ СЪВАОУТЬ ВАШЕ НЕТРЕБУИ ДѢАКЪ ПОЗОВНИЦИ И РУКОПѢСАНИЕ ЛЖИВЪИА · А · ТВОРАТЬСА ПЕЧАТАЛ° "ВА ПАРФѢ РУКУСА" {уе}А А ХРѢСТЪАНУ ВАШЕ ВАМЪ СВОЕИ ОСПОДИ ЧОЛОМЪ БѢЮ

‘Господину Ондреяну Михайловичу, господину Миките Михайловичу, госпоже нашей Настасье, Михайловой жене, бьют челом крестьяне избоищане. Здесь, господа, в вашей волости Горотной (?) предьявляются повестки, здесь предьявляются фальшивые повестки, здесь, господа, предьявляются фальшивые завещания. А переписывают фальшивые повестки и завещания ваш Нетребуи [и (?)] дяк. А утверждают, что запечатывал Иван (?) Парфеев (?) [эти] завещания. А крестьяне ваши вам, своим господам, челом бьют’.

В этом переводе А. А. Зализняк отметил три сомнительных места (если считать одним и тем же местом недостоверно членимую последовательность *ивапарфѣ*). На наш взгляд, следует отметить ещё одно. Глагол *творитися*, по данным исторического подкорпуса НКРЯ, в отличие от *творити*, никогда не переводится ‘утверждать про кого-то’, но чаще всего имеет значение ‘притворяться, утверждая нечто о самом себе’. В данном случае

¹ Если считать ошибки, указанные в [ДНД-2: 677–678] и в [ВЯ-2017: 20–21], то в грамоте № 307 их 13, а в № 1088 — целых 15, при том что № 1088 в два с лишним раза короче. Приближалась к предыдущему рекорду грамота № 531 с 12 ошибками, но это самая длинная грамота, почти в три раза длиннее, чем № 307, так что концентрация ошибок в ней сильно меньше.

некая группа лиц должна утверждать нечто про саму себя, а не про предполагаемого Ивана Парфеева.

В настоящей работе мы попробуем прояснить эти сомнительные места. А в заключении постараемся развить замечательную просопографическую гипотезу Д. В. Сичинавы, которая, как мы покажем, может прояснить первопричину появления этой челобитной.

1. Волость Горотная (?)

Первое из сомнительных мест в переводе — название волости, где предъявляются фальшивые документы. Вообще говоря, его было бы правильнее передавать в тексте как *горо[ть]неи*, поскольку на месте *t* теоретически может быть и *n*, пусть и несколько широковатое. В обоих случаях приходится вычленять в слове суффикс **-ьн-*, а вид корня (**горот-* или **горон-*) сперва повергает в недоумение. Хотя в Интернете и находится единственный случай пользователя социальной сети «ВКонтакте» с фамилией *Гороння* неясной этимологии, всё же гораздо более правильным следует признать направление мыслей А. В. Арциховского и В. И. Борковского: волость названа по населённому пункту *Городня*.

Сами издатели считали, что последняя буква в последовательности *горо[ть]неи* является сочинительным союзом *и*, однако А. А. Зализняк реинтерпретировал её как часть окончания *Loc. sg. f.* полного прилагательного, относящегося к *волости* [НГБ-VIII: 202]. В свою очередь, *e* в этой грамоте не смешивается с *ь*, поэтому вид окончания *-ei* следует рассматривать как мягкий вариант окончания *-oi* местоименного склонения, которое в позднерусскую эпоху вытеснило адъективное в большей части форм ед. ч. полных прилагательных [ДНД-2: 117–118].

Появление *t* на месте *d* следует связывать с другими случаями мены парных по глухости-звонкости согласных, встречающихся в памятниках северновеликорусского происхождения. В берестяных грамотах наиболее бесспорные случаи этой мены таковы: *воѣми* 59, *вѣало* 445, *нинешнеко* 482, *доброкоствехо* 614, *своподь* 614, *селокове* 614, *тѣшадь* 905, *посдави* 908. Аналогичные примеры из книжных памятников можно найти в работе В. В. Колесова [1963: 103–104], хотя к ним нужно относиться с большой осторожностью, так как примерно четверть из них непоказательны либо в силу ошибочного прочтения текста, либо в силу графического соседства с другими согласными. К ним также можно добавить примеры из холмогорских и шенкурских рукописей XVII в., собранные А. А. Лопухиной [2011: 109–111, 197–199]². Кроме того, см. примеры из северо-западных памятни-

² Однако примеры из дневника посещавшего Холмогоры Ричарда Джемса, приводимые А. А. Лопухиной, — *saietz*, *tamoshna*, *snait*, *zich* («сыч»), *ozen*, *zuxhari*, *ghobuke* («клобук») и т. д. [Ларин 1959: 48], — не следует считать столь же пока-

ков в работе [Крысько 1998: 88] и не учтённые В. В. Колесовым примеры из Ипатьевской летописи [Гиппиус, Сичинава 2021: 183]

Видеть в этих примерах полное неразличение звонких и глухих обрусевшим носителем прибалтийско-финского идиома можно только для тех памятников, где подобное озвончение и оглушение шумных встречается настолько часто, что правильные написания появляются либо случайно, либо за счёт знакомства автора со стандартным графическим обликом русского слова. Такова грамота № 614 (где, как считает А. А. Гиппиус, также [кл]оу[покеи] исправлено на [гл]оу[бокеи] [НГБ XII: 252–253] и где А. А. Зализняк как раз предполагает карельское или вожанское происхождение автора [ДНД-2: 499–500]). Менее вероятно, что сюда можно отнести граффито о дьяке Путиле из лестничной башни Георгиевского собора Юрьева монастыря, где из пяти звонких согласных в сильной по глухости-звонкости позиции целых два записаны как глухие³:

*ть ти **т**иво е*
Поу(т)ила д[ъаке]
Кри(въ⁴)це о томоу оу
*мети **к**рамот[ж]*
а кривоу боуд(о)уци
 [Гиппиус, Михеев 2022: 105–107].

Однако, как показывают примеры из книжных рукописей, подобная ошибка может встретиться у одного автора всего один раз в большой рукописи, причём по соседству с правильными записями той же словоформы⁵. Обычно подобные примеры трактуют как отражение противопоставления шумных согласных в севернорусских говорах не по глухости-звонкости, а по напряжённости-ненапряжённости, которое, в свою очередь, объясняют влиянием финно-угорского субстрата (см., например, [Бобрик 2014: 197–198]), либо же постулируют существование в древних севернорусских диалектах промежуточной стадии «полузвонких» согласных, возникших после падения редуцированных [Колесов 1963: 110]. Л. Л. Касаткин связывает это севернорусское явление со славянским западом и предполагает его праславянское или даже праиндоевропейское происхождение [Касаткин 1999: 244–245]. Но каково бы ни было происхождение этого противопо-

зательными, так как сам носитель английского языка, имеющего противопоставление по напряжённости-ненапряжённости, мог неверно передавать слова, услышанные им и от носителей «нормальных» русских говоров, т. е. имеющих противопоставление по глухости-звонкости.

³ Возможно, автор позволял себе несколько большую фонетическую свободу, чем предполагает русская графика, составляя текст несомненно поэтического характера (подробнее см. статью [Гиппиус, Михеев 2022]).

⁴ Вопреки существующей традиции, будем использовать угловые скобки для передачи пропущенных, по мнению интерпретатора, букв.

⁵ Например, *оувасли* и *оувазли* в Новгородском Прологе 1431 г., л. 177.

ставления (оно, во всяком случае, вряд ли финно-угорское [Князев 1991: 134–137]) в части севернорусских идиомов, это ещё не объясняет самого механизма ошибочного отражения звонких на письме. Ведь в подавляющем большинстве случаев напряжённый в этих идиомах соответствует глухому в остальных восточнославянских идиомах (включая стандартный наддиалектный древнерусский), а ненапряжённый — звонкому.

Попробуем реконструировать психолингвистическую проблему, перед которой стоит носитель древнесевернорусского идиома при записи парных по напряжённости-ненапряжённости согласных. По данным архангельских говоров, дифференциальный признак «напряжённость-ненапряжённость» характеризуется несколькими основными акустическими параметрами, важнейшие из которых можно обобщённо назвать длительностью согласного. Напряжённый — более длительный, ненапряжённый — менее длительный. Наличие или отсутствие колебания голосовых связок в этих говорах — параметр гораздо менее значимый для дифференциации фонем. Поэтому зачастую звонкость или глухость того или иного согласного объясняется соображениями артикуляционного удобства: в интервокале проще поддерживать колебания связок, а в остальных позициях проще произносить глухой. В случае взрывных согласных длительность напряжённого реализуется либо как геминатность (типологически это стратегия прибалтийско-финских языков), либо как придыхательность (стратегия германских языков). Притом в таких говорах **в сочетании двух согласных первый всегда напряжённее второго** [Князев 1991: 123–124; Касаткин 1999: 236].

Следовательно, на письме в сочетании из двух согласных естественно ожидать спорадические записи первого как напряжённого (а напряжённые в остальных позициях на письме неотличимы от наддиалектных глухих), а второго как ненапряжённого (которые вне биконсонантного сочетания на письме неотличимы от наддиалектных звонких).

Приведённое объяснение работает для рассматриваемого *Горо[тѣ]неи* 307, для *[к]оу[покеи]* (614), *воѣми* (59), *кратом[ж]* (надпись про Путилу), а также для второго члена биконсонантного сочетания в *посѣави* (908), где позиционная ненапряжённость исконного **t* отражается на письме так же, как обычно отражается ненапряжённый зубной взрывной, т. е. как *d*.

Орфографическая стратегия автора в этих случаях может быть описана примерно так: «где я произношу напряжённый (длинный) согласный, я напишу *n, t, k, s, ш*⁶, а где ненапряжённый (короткий) — *b, d, z, ж*».

Попробуем рассмотреть другие объяснения появления этого *t* на месте стандартного *d*.

Может быть, первый согласный конкретного кластера вида «взрывной + гоморганный носовой» особенно подвержен нейтрализации по глухости-звонкости, так как произносится без взрыва и послевзрывной фазы (яв-

⁶ Рассмотрением вопроса о напряжённых и ненапряжённых парных аффрикатах в этой статье мы специально заниматься не будем.

ляющихся важным элементом идентификации шумного как звонкого или глухого). Однако других примеров такого кластера в названных нами источниках чрезвычайно мало в силу его специфичности. И в любом случае данное предположение не объясняет выбор автором именно *m*, а не *δ* в позиции нейтрализации по глухости-звонкости. С той же проблемой сталкиваются любые чисто позиционные объяснения: например, в интервокальной⁷ позиции заметно чаще происходит «озвончение глухого» (на письме), чем «оглушение звонкого», представленное в *Горотънеи*.

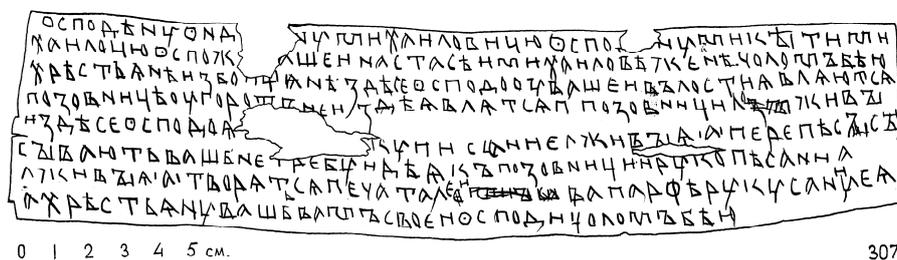
В принципе эти объяснения возможны, но у них есть и ещё один серьёзный недостаток: они предполагают психолингвистическую реальность параметра «глухость-звонкость» для носителя говора, где указанный параметр не является дифференциальным признаком фонем. Этот же недостаток мешает видеть в орфографической стратегии автора гиперкоррекцию, которую можно представить примерно так: «Я знаю, что в интервокальной позиции я часто произношу звонкий, тогда как стандартно он записывается как глухой. Значит, и здесь надо написать глухой». Но такое объяснение работает приблизительно для такого же числа примеров из берестяных грамот, что и «первая» орфографическая стратегия: по меньшей мере для *восми* (59), *нинешнеко* (482), *доброкоствечихо*, *своподь*, *селокове* (614).

Какая из этих интерпретаций написания *m* на месте *δ* в *Горотънеи* лучше, покажут будущие исследования уже достаточно обширного корпуса примеров такого явления.

Итак, перед нами слово, начальная форма которого в стандартном позднерусском должна была выглядеть как *Городнаа*.

2. Утверждают, что запечатывал (?)

И в издании грамоты, и в последующих поправках были полностью проигнорированы пять букв в середине предпоследней строки. М. Н. Киров, автор прориси грамоты, добросовестно их изобразил, однако счёл зачёркнутыми. Вот эта прорись:

⁷ Здесь и в следующем абзаце в понятие интервокальной позиции включается положение между гласным и сонорным.

Между тем на новых фотографиях видно, что первые четыре из этих букв, *с*, *м*, *и* и *ы*, не зачёркнуты писцом, а попали на трещину в бересте. В действительности зачёркнута только последняя буква, *ш*:

Затруднения, которые ранее вызывали две фразы, предшествующие пока неясному *ванарфъ*, отчасти снимаются при вставке в текст этих букв. Что же касается надстрочного *и*, изображённого на прориси, то не исключено, что это вообще случайные штрихи на бересте: они заметно тоньше, чем штрихи, заведомо принадлежащие буквам грамоты, в том числе вписанным над строкой. Но во всяком случае гипотеза В. Л. Янина [НГБ-VIII: 245] о том, что это «надстрочное *и*» относится к последующему *ва*, совсем маловероятна: пространства перед *ва* вполне хватило бы для вставки *и* на место пропуска.

Получается отрезок *печаталесмы*, в котором легко увидеть фразу *печатали есмы* («мы запечатывали») с отсутствующим конечным *и* в слове *печатали*. Вероятнее всего, это простой пропуск буквы, хотя пропуск двух гласных подряд⁸ и не имеет аналогов в корпусе берестяных грамот. Но можно увидеть в этом месте и контракцию 1-причастия и глагола связки, как в польском языке (например, от глагола *śtać* форма 1 pl. выглядит как *śtałiśmy*), западно-укр. диал. *ходилисмо*, *робилисме* [АУМ-2: карта 245], серб. *ходили смо* (при *јесмо* в начале вопросительной фразы). В современном севернорусском наречии эта контракция не отражена, а в истории русского языка имеется лишь единичный пример в грамоте Ст. Р. 39: *посласмъ* [НГБ-XII: 169], где интерпретационной альтернативой контракции глагола-связки с «безэлевым перфектом» является простой пропуск буквы *е*. Но если следовать принципу А. А. Зализняка и не усматривать в тексте ошибок, пока не исчерпаны возможности увидеть лингвистические явления, то предпочесть стоит именно «контракционную» интерпретацию.

В таком случае текст в этом месте следует передавать (с учётом зачёркнутых букв) следующим образом:

⟨...⟩ а · пере҃гѣ {сѣ}сѣи
сѣвѣють вашѣ не҃требѣи дѣ҃акѣ по҃зовници и руко҃пѣсаниа
лживѣа · а · твора҃тѣса печѣ҃талѣсм {и}ѣи ш—⟨...⟩

Теперь снимается сложность перевода глагола *творитися*, о которой говорилось в начале статьи. Если представить, что *печатали есмы* — это прямая речь тех, кто *творятѣса* и ⟨*переписываютъ*⟩, то перевод становится

⁸ *е* в *есмы* изначально тоже была пропущена и вставлена позже, что видно на фотографии и на прориси невооруженным глазом.

ся уже яснее: ‘А переписывают Ваш Нетребуй [и (?)] дьяк повестки и за-
вещения. А утверждают: «Мы запечатывали [но не переписывали]»’.

Обилие в древнерусском подкорпусе НКРЯ конструкций вида «творитиса + Асс.» и «творити + Accusativus duplex» может навести на мысль, что прямой речи после *творитиса* быть не может (ср. типичный пример такого словоупотребления: ...*то са не (вино)[ва]т[о] твори...* 482). Однако есть важнейший пример из Жития Андрея Юродивого, который опровергает эту закономерность:

лѣкавыи бл҃днѣче. цр҃квныи порѣгателю. не ты ли. твораса. ѿко въ цр҃квь
идѣ на заутреню. безаконѣче.

Здесь прямая речь маркирована словом **ѿко**. Разумеется, в берестяных грамотах такого маркирующего прямую речь элемента, как правило, нет [Гиппиус 2004: 189–192], поэтому приведённое решение представляется полностью оправданным.

Следует реконструировать процесс записи комментируемого фрагмента так.

1) В изначально запланированном отрезке *печаталесми* была пропущена *e* в *есми*. Обнаружив недостающую *e*, автор втиснул её между *л* и *с*.

2) Вариант *есми* для глагола-связки 1-го л. мн. ч. автор счёл менее удовлетворительным, чем *есмы* (о вариативности этих форм см. [ДНД-2: 139; Молдован 2020]), и написал *ы* справа от *и*. Такой же тип исправления (написание правильной буквы справа от неправильной без зачёркивания неправильной) дважды представлен в последовательности *руксан^уеа* в конце этой же строки, где сначала *e* «исправляет» написанное слева от него *у*, перенесённое по инерции из первых двух слогов, а затем *л* таким же образом исправляет *e*. По-видимому, промежуточное исправление на *e* отражает фонетическое неразличение /je/ и /ja/ в заударном слоге (ср. *(ру)куписание лживыа* в 5-й строке), однако автор, знакомый с орфографической традицией оформления окончания В. мн. ср., предпочёл ей всё же последовать.

Предпочтение варианта с конечным *-ы* варианту с *-и* следует связывать с тем, что последний грамматически амбивалентен: он может обозначать как 1-е л. мн. ч., так и 1-е л. ед. ч.

3. Иван Парфеев (?)

Трактовка отрезка *ванарфѣ* как написанного с четырьмя пропусками складов⁹, ⟨И⟩ва⟨нъ⟩ Парфѣ⟨е⟩⟨въ⟩, допустима в столь изобилующем ошиб-

⁹ Здесь мы называем **складами** как переданные на письме слоги, так и сочетания согласных с конечными редуцированными. По-видимому, такие сочетания психолингвистически были единицей того же порядка, что и настоящие слоги: во

ками тексте, но более экономна гипотеза, что пропущены всего 2 склада: *ва⟨шь⟩ Парфь⟨и⟩*.

При таком предположении становится понятно, откуда взялась зачёркнутая буква *ш*: изначально был пропущен слог *ва*, но эту ошибку автор заметил и написанное *ш* зачеркнул, а затем уже, написав *ва*, пропустил склад *шь*.

В другой интерпретации, предложенной издателями, *ва Парфь* переводится как ‘в Парфе’ (в населённом пункте под названием Парфа). Эта версия (подразумевается, видимо, что *а* в предлоге — предвосхищение *а* в имени) аргументируется существованием в писцовой книге Шелонской пятины 1539 г. селений Избоища, Городня и Парфино. Однако именно Парфой населённый пункт назван быть никак не мог: *Парфино* — притяжательное прилагательное, производное от личного имени Парфа, гипокористического варианта имени Парфений, которое само по себе не могло выступать как топоним. Улучшить эту гипотезу может предположение о пропуске двух букв вида «гласный + согласный» в *Парф⟨ин⟩ь*. Надо сказать, что это весьма редкий тип ошибки. Во всём корпусе берестяных грамот надёжных примеров на него всего 4:

- *{пдо} поклоно* 99 (пропуск *ок*, замеченный автором, с последующим полным исправлением словоформы припиской справа правильного варианта);
- *[а]настѣа* 508а (пропуск *ас*);
- *ѡ [л]юдьслав ъ хотьноу* 912 (пропуск *а к*);
- *оу дьда* — *оу давьда* 1077 (пропуск *ав*).

Какая из этих двух интерпретаций лучше, зависит уже от реконструкции общего смысла сообщения (см. ниже).

4. Нетребуй [и (?)] дьяк

Прежде чем приступить к итоговой реконструкции авторского замысла, разберём второе проблемное место в грамоте: действительно, за последовательностью *перепѣ{сысы}-сывають нетребуи дьякъ* может стоять как ‘переписывает группа лиц под руководством Нетребуя-дьяка’, так и ‘переписывают Нетребуй [и] дьяк’ [НГБ-IX: 152–153]. В первом случае А. А. Зализняк предполагает согласование подлежащего и сказуемого в числе «по смыслу, а не по форме», однако теперь есть возможность сказать, кто вхо-

всяком случае, их пропуски примерно так же частотны, как и пропуски настоящих слогов. То есть при проговаривании текста автором самому себе последовательность [vaʃ parfěj] делилась на склады так: *ва-шь-Пар-фь-и*. Это, вероятно, следует объяснять сохранением раннедревнерусской традиции обучения чтению по складам, где слоги со слабым редуцированным были столь же «полноправны», как и с гласным полного образования.

дил в «группу под руководством Нетребуя»: на эту кандидатуру отлично подходит *вашь Парфей*.

На первый взгляд, серьёзный недостаток этой гипотезы состоит в том, что *вашь Парфей* и *вашь Нетребуи-дьяк* оказываются слишком удалены друг от друга во фразе. Попробуем объяснить, как такое могло случиться.

По-видимому, автор плохо держал в уме не только написанные буквы, но и написанные слова. Рассмотрим, например, первые три фразы, следующие за адресной формулой:

- (1) ЗДѢСЕ ОСПОДО ОУ ВАШЕИ ВЪЛОСТИ АВЛЯЮТСА ПОЗОВНИЦѢ ОУ ГОРОТ[Ъ]НЕИ
- (2) ЗДѢ АВЛА<Ю>ТСА {П}ПОЗОВНИЦИ Л°ЖИВЪИИ
- (3) ЗДѢСЕ ОСПОДО А(ВЛЯЮТСА РУ)КУПИСАНИЕ ЛЖИВЪА

Их можно было бы записать как одну, что гораздо лаконичнее:

- * (1—3) *здесь осподо въ вашей волости въ городнеи авляюцца позовници и рукописаниа лживыа*

Из сравнения (1) с реконструируемым «эталоном» видно, что автору не удаётся употребить в длинной фразе однородные члены предложения (в данном случае — подлежащие **позовници и рукописаниа*). Если эта трудность представлена и в интересующем нас фрагменте, то его замысел можно реконструировать так:

а · перепѣ{сы}сьисывають вашь нетребуи дѣакъ позовници и
рукопѣсаниа
 лживыа · а · творатъса печаталѣсм{и}гы ш ва парфѣ руксануеа

- * *а переписывают позовници и рукописаниа вашь Нетребуи дѣакъ и вашь Парфей, а творатъся: «Печатали есмь позовници и рукописаниа».*

В этой реконструкции слово *лживыа* не участвует, поскольку сам глагол *переписывати* означает ‘фальсифицировать’, и «лживость» повесток и завещаний указывать уже нет необходимости. Вероятно, и сам автор по инерции перенёс это определение из фраз (2) и (3).

Это не единственная грамота, которая требует такого поиска «синтаксического эталона», скрытого в перепутанном автором порядке слов (см. примеч. к статье [Сичинава 2020: 302–303]).

Вероятное объяснение бытовой ситуации, стоящей за реконструированным нами текстом, принадлежит А. А. Гиппиусу, которому мы в личной переписке прислали эту реконструкцию. Перевод с учётом данного объяснения получается следующий: «А переписывают повестки и завещания ваш Нетребуи-дьяк и ваш Парфей, а притворяются, мол, “мы [только] ставили печати [но не переписывали]”».

Также А. А. Гиппиус подсказал нам следующую параллель со смоленской грамотой 1284 г.: «Моисѣи, княжь | печатникъ Федоровъ, печаталь... А Федорко, писецъ княжь, псалъ» [Смол. гр.: 62–65]. Отсюда видно, что

обычно функции писца и печатника разделены между как минимум двумя разными лицами, которые могут независимо подтвердить, что он был составлен в их присутствии. С Нетребуем и Парфеем ситуация, на наш взгляд, такова: избоищане обвиняют их в подделке завещаний (в которых, надо полагать, фальсифицировались имена наследников) и в фабрикации повесток в суд. А Нетребуй и Парфей утверждают, что лишь прикладывали печати к этим завещаниям, не имея оснований усомниться в их подлинности, и к судебным повесткам, не имея оснований усомниться в их законности.

Если же принимать модифицированную версию издателей, то реконструкция авторского замысла выглядит так:

** а переписывают позовници и рукописаниа вашь Нетребуи и дьякъ, а творяться: «Печатали есми въ Парфинъ рукописаниа».*

Перевод: «А фальсифицируют повестки и завещания ваш Нетребуй и дьяк, а притворяются: “Мы ставили печати на завещаниях в Парфине”». В этом случае никак не объясняется появление зачёркнутого *ш*, что является серьёзным недостатком данного прочтения. Бытовая ситуация же рисуется несколько иначе. Нетребуй действует не с Парфеем, а с неким дьяком. А оправдываются они тем, что занимаются запечатыванием судебных документов на совершенно другой территории — не в Городней волости (откуда происходят фальсификаты), а в Парфине.

Кажется, по смыслу эта вторая версия тоже хуже первой: скорее всего, если означенные населённые пункты действительно находились рядом и принадлежали к владениям одной семьи (Городняя — *ваша* волость, а в Парфине работают *вашь* Нетребуй и дьяк), то, вероятно, и территориальная судебная инстанция у них была общая.

Итак, мы склоняемся к первой версии. Напомним итоговый текст и перевод в нашей интерпретации (с передачей, помимо принятых в ДНД-2, зачёркнутых и пропущенных по ошибке букв):

Осподѣну Онд(рѣа)[н]у миѡиловицю Оспод(ѣ)ну микѣги миѡилоцю Оспож(ѣ н)ашей настасѣи миѡиловѣ женѣ чоломъ бѣю хрѣстьянѣ избоищанѣ · здѣсе Осподо оу вашей вѣлости авлаютса позовницѣ оу горо[тѣ]неи здѣ авла<ю>тса {п;позовници л'эзживъы и здѣсе Осподо а(вляютса ру)кописание лживъа · а · перепѣ{сы}сы съвають вашь нетребуи дѣакъ позовници и рукопѣсаниа лживъа · а · твора<т>са печатал<с>м{и}гы ш-ва<шь> парфѣ<и> руку<пи>сан<и>{уе}а

а хрѣстьяну вашь вамъ своеи Осподи чоломъ бѣю

‘Господину Ондреяну Михайловичу, господину Миките Михайловичу, госпоже нашей Настасье, Михайловой жене, бьют челом крестьяне избоищане. Здесь, господа, в вашей волости Городней предьявляются повестки, здесь предьявляются фальшивые повестки, здесь, господа, предьявляются фальшивые завещания. А переписывают повестки и завещания ваш Нетребуй-дьяк и ваш Парфей. А притворяются, мол, «мы

[только] запечатывали завешания [но не переписывали]». А крестьяне ваши вам, своим господам, челом бьют⁷.

Вместо заключения. О возможной идентификации печатника Парфея

Имя *Парфеи* нельзя назвать частотным среди новгородцев. Его носит также автор грамоты № 948 (происходящей из слоев 2-й пол. XIV в. с Никитинского раскопа и явно не имеющей отношения к доселе не известному герою избоищанской челобитной). Имя *Парфении* (полный вариант того же имени) носит автор грамоты № 359 (крестьянин, работающий на игумена, также не имеющий отношения к печатникам). Наиболее же интересен факт, на который нам указал Д. В. Сичинава в личной переписке: одного из «рядцев»¹⁰, т. е. свидетелей договора в пергаменной грамоте № 130 (рядной Василия Федоровича) [ГВНП: 186–187], зовут *Нефедья Парфъеве*. Ещё один «рядец» — тысяцкий Александр Игнатьевич, троюродный брат Юрия Онцифоровича, отца Михаила и деда Ондreja и Микиты. Эта рядная датируется 1416–1421 гг. [Янин 1981: 183–186]. Юрий Онцифорович умер незадолго до Михаила — в 1417 г. Михаил Юрьевич умер между 1421 и 1423 гг. [Там же: 20]. Грамота № 307, как видно из её содержания, написана после смерти Михаила, но не позже 1440-х гг. (такова её стратиграфическая датировка). Итак, Ондreja и Микита, печатником которых был Парфей из грамоты, вполне могли быть младшими современниками отца Нефедьи. Особенно соблазнительна параллель с этой рядной тем, что после списка «рядцев» в ней говорится о «стоянии у печати». Но, в сущности, функция «рядцев» и тех, кто скрепляет печатью документ, одинакова: это свидетельство того, что документ составлен в присутствии «рядца» или «печатника». Можно (разумеется, с величайшей осторожностью) предположить, что среди «рядцев» бывали не только знатные новгородские бояре, но и боярские тиуны-печатники, которые также могли допускаться сторонами договора в качестве гарантов крупных имущественных сделок. Таким образом, печатник Парфей в берестяной грамоте № 307 мог быть отцом Нефедьи Парфеева; вместе со своим сыном они могли составлять целую «династию наследственных печатников».

Слабые стороны этой гипотезы, конечно, очевидны: получается, что «ваш Парфей» из грамоты № 307 — великовозрастный боярский тиун в семье вдовы Михаила Юрьевича и её сыновей, обвиняемый крестьянами в подделке документов, а его сын за некоторое время до получения Ондreja и Микитой этой крестьянской челобитной числится в списке гарантов

¹⁰ Или «рядец». В Волынской летописи за 6795–6797 гг. это слово *a*-склонения, по употреблению в [ГВНП] тип склонения достоверно установить нельзя, хотя речь идёт о мужчинах.

довольно масштабной имущественной сделки между представителями новгородской знати.

С другой стороны, Михаил, видимо, умер относительно молодым (через 4–6 лет после своего отца, и имущество его детей, вероятно, хотя бы частично управлялось их матерью). Нефедья мог быть взрослым печатником ещё у Юрия Онцифоровича (ничто не мешает предположить, например, что Нефедье было 35–40 лет в 1417 г.). Парфей же, по-прежнему исполнявший в доме Онцифоровичей некоторые обязанности печатника (менее важные и касающиеся имущества зависимых от Онцифоровичей крестьян), был в 1420–1430-е гг. уже очень стар и делал какие-то ошибки при работе с документами, что и вызвало появление разобранной нами челобитной.

Источники

- АУМ-2 — Атлас украинської мови: В 3 т. Київ, 1988. Т. 2.
 ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подгот. к печ. В. Г. Гейман и др.; под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.
 НГБ-V — А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963.
 НГБ-VIII — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986.
 НГБ-IX — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.
 НГБ-X — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М., 2000.
 НГБ-XI — В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004.
 НГБ-XII — В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). М., 2015.
 Смол. гр. — Смоленские грамоты XIII–XIV вв. / Подгот. к печ. Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. М., 1963.

Литература

- Бобрик 2014 — М. А. Бобрик. Маргиналии к берестяным грамотам и памятникам древнерусской эпиграфики // Русский язык в научном освещении. 2014. № 2 (28). С. 191–201.
 ВЯ-2017 — А. А. Гиппиус, А. А. Зализняк. Берестяные грамоты из раскопок 2017 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2018. № 4. С. 7–24.
 Гиппиус 2004 — А. А. Гиппиус. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // НГБ-XI.

Гиппиус, Михеев 2022 — А. А. Г и п п и у с, С. М. М и х е е в. Из надписей-граффити в лестничной башне Георгиевского собора Юрьева монастыря // *Архитектурная археология* / Гл. ред. Вл. В. Седов. М.: Ин-т археологии РАН, 2022. № 4. С. 98–111.

Гиппиус, Сичинава 2021 — А. А. Г и п п и у с, Д. В. С и ч и н а в а. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот // *Русский язык в научном освещении*. 2021. № 2 (42). С. 178–259.

ДНД-2 — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. 2-е изд., переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. (*Studia philologica*).

Касаткин 1999 — Л. Л. К а с а т к и н. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М.: Наука; Школа «Языки русской культуры», 1999.

Князев 1991 — С. В. К н я з е в. Фонетическая реализация дифференциального признака. Глухость/звонкость и напряжённость/ненапряжённость согласных в севернорусских говорах. М.: ИРЯ РАН, 1991 [рукопись].

Колесов 1963 — В. В. К о л е с о в. Севернорусские чередования согласных, парных по глухости-звонкости // *Вестник Ленинградского университета. Серия истории, языка и литературы*. 1963. Вып. 1, № 2. С. 103–112.

Крысько 1998 — В. Б. К р ы с ь к о. Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне // *Вопросы языкознания*. 1998. № 3. С. 74–93.

Ларин 1959 — Б. А. Л а р и н. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1959.

Лопухина 2011 — А. А. Л о п у х и н а. Фонетика Холмогорского и Шенкурского диалектов XVII в. Дис. ... канд. филол. наук. МГУ, 2011 [рукопись].

Молдован 2020 — А. М. М о л д о в а н. Вариативность связки 1 л. мн. ч. в древнерусской письменности // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. Вып. 23, № 1: Грамматические процессы в синхронии и диахронии. М.: ИРЯ РАН, 2020. С. 182–197.

Сичинава 2020 — Д. В. С и ч и н а в а. К интерпретации некоторых берестяных грамот // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. Вып. 23. 2020. [Грамматические процессы и системы в диахронии. Памяти Андрея Анатольевича Зализняка]. С. 297–313.

Черепнин 1969 — Л. В. Ч е р е п н и н. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М.: Наука, 1969.

Янин 1981 — В. Л. Я н и н. Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). М.: Наука, 1981.

Статья получена 28.11.2022

Dmitry S. Krylov

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
krydmi@mail.ru

INTERPRETATION AMENDMENTS TO NOVGOROD BIRCHBARK LETTER NO. 307

In this article, a new interpretation is proposed for several cruces of the birchbark letter no. 307. The most important of the proposed amendments to the reading is that of the five letters of the penultimate line depicted on the drawing as crossed out, four are actually located in a crack in the bark and therefore should be included in the edited text of the manuscript. The only character that the author really crossed out gives a clue for a relatively confident reconstruction of the intended meaning of the last sentence. The phrase contains an unusually big lot of graphic mistakes and, in addition, is the result of an unsuccessful syntactic correction. Furthermore, a detailed phonetic commentary is given to the toponym *Gorotъney*, which contains an error in the designation of a voiced consonant. The article also develops the hypothesis about a possible prosopographic connection of Parfey mentioned in the manuscript with Nefedya Parfeyev, who appears in Vasily Fedorovich's bargain (parchment letter no. 130). As a result, the last phrase of the manuscript and, consequently, the manuscript itself receives a more reliable interpretation than it has had so far. Izboischa peasants complain to their masters about Parfey and Netrebuy, accusing them of falsifying last wills and court summonses, while Parfey and Netrebuy claim that they only stamped these documents, having no reason to doubt their authenticity.

Keywords: Old Novgorod dialect, Northern Russian dialect, birchbark letters, non-book writing, Old Russian prosopography

References

- Bobrik, M. A. (2014). Marginalii k berestianym gramotam i pamiatnikam drevnerusskoi epigrafiki. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(28), 191–201.
- Cherepnin, L. V. (1969). *Novgorodskie berestiane gramoty kak istoricheskii istochnik*. Moscow: Nauka.
- Gippius, A. A. (2004). K pragmatike i kommunikativnoi organizatsii berestianykh gramot. In V. L. Ianin, A. A. Zalizniak, & A. A. Gippius, *Novgorodskie gramoty na bereste. Iz raskopok 1997–2000 gg.* (pp. 183–232). Moscow: Russkie slovari.
- Gippius, A. A., & Mikheev, S. M. (2022). Iz nadpisei-graffiti v lestnichnoi bashne Georgievskogo sobora Iur'eva monastyria. *Arkhitekturnaia arkheologiya*, 4, 98–111.
- Gippius, A. A., & Sichinava, D. V. (2021). Popravki i zamechaniia k chteniiu ranee opublikovannykh berestianykh gramot. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(42), 178–259.
- Gippius, A. A., & Zalizniak, A. A. (2018). Berestiane gramoty iz raskopok 2017 g. v Velikom Novgorode i Staroi Russe. *Voprosy iazykoznanii*, 4, 7–24.
- Ianin, V. L. (1981). *Novgorodskaia feodal'naia votchina (Istoriko-genealogicheskoe issledovanie)*. Moscow: Nauka.

Kasatkin, L. L. (1999). *Sovremennaia russkaia dialektnaia i literaturnaia fonetika kak istochnik dlia istorii russkogo iazyka*. Moscow: Nauka.

Kniazev, S. V. (1991). *Foneticheskaia realizatsiia differentsial'nogo priznaka. Glukhost'/zvonkost' i napriazhennost'/nenapriazhennost' soglasnykh v severnorusskikh govorakh*. Moscow: IRIa RAN.

Kolesov, V. V. (1963). Severnorusskie cheredovaniia soglasnykh, parnykh po glukhosti-zvonkosti. *Vestnik Leningradskogo universiteta. Seriya istorii, iazyka i literatury*, 1(2), 103–112.

Krys'ko, V. B. (1998). Drevnii novgorodsko-pskovskii dialekt na obshcheslavianskom fone. *Voprosy iazykoznanii*, 3, 74–93.

Larin, B. A. (1959). *Russko-angliiskii slovar'-dnevnik Richarda Dzhemsa (1618–1619 gg.)*. Leningrad: Izd-vo LGU.

Lopukhina, A. A. (2011). *Fonetika Kholmogorskogo i Shenskurskogo dialektov XVII v.* (Doctoral dissertation). Lomonosov Moscow State University, Moscow.

Moldovan, A. M. (2020). Variativnost' sviazki 1 l. mn. ch. v drevnerusskoi pis'mennosti. *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova*, 23(1): *Grammaticheskie protsessy v sinkhronii i diakhronii*, 182–197.

Sichinava, D. V. (2020). K interpretatsii nekotorykh berestianykh gramot. *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova*, 23(1): *Grammaticheskie protsessy i sistemy v diakhronii*, 297–313.

Zalizniak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskii dialekt* (2nd ed.). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Received on November 28, 2022